

Церковная жизнь на Вологодчине после войны

Предлагаем читателям «Благовестника» первую главу из дипломной работы диакона Кирилла Киселёва «Особенности архипастырской и пастырской деятельности вологодских архиереев». Работа защищена на кафедре духовных дисциплин Сретенской духовной семинарии в Москве в 2008 году. Научный руководитель архимандрит – Тихон (Шевкунов).

«Цель настоящей работы, – говорится во введении, – состоит в том, чтобы собрать воедино, по возможности, наибольшее количество доступных на момент ее написания сведений об архиереях, управлявших во второй половине XX века Вологодской епархией – одной из древнейших епархий Русской Православной Церкви – с тем, чтобы осмыслить с позиций пастырского богословия жизненный путь преосвященных владык, те труды, которые они несли на благо Святой Церкви, на благо Вологодского края и верующих вологжан в поистине трудное для них время».

В дипломе использованы:

а) периодические издания, повествующие о деятельности владык (областная общественно-политическая газета «Красный Север», епархиальная газета «Благовестник»);

б) отчеты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (с 8 декабря 1965 года – Совета по делам религий) – для рассмотрения отзывов о личности и деятельности архиереев со стороны светской власти (Государственный архив Российской Федерации, Ф.6991; Вологодский областной архив новейшей политической истории, Ф.2522);

в) устные воспоминания современников владык.

В работе собраны и систематизированы уникальные материалы о личности и деятельности вологодских архиереев в малоизученный с точки зрения церковно-государственных отношений период истории Советского Союза – с 1945 по 1991 годы, поэтому редакция надеется, что данное исследование будет интересно всем, кто интересуется историей нашей Церкви, особенно – историкам, студентам светских и духовных учебных заведений.

Проводимая в 20-30-е годы Советской властью кампания по разгрому церквей, политические преследования священнослужителей, возведенная в ранг государственной политики антирелигиозная пропаганда среди населения привели к тому, что количество действующих храмов в Вологодской области значительно сократилось, а основная масса верующих была отвлечена от Церкви.

подавляющее число монастырей, церквей и часовен Вологодского края было закрыто еще до 1939 года. С января 1939 года по 1941 год решением Вологодского облисполкома было дополнительно закрыто 277 церквей и часовен. При этом характерно отметить, что верующие были запуганы, боялись репрессий и практически не выступали против подобных решений местных Советов. Так, на указанные решения облисполкома было подано всего 10 жалоб, из них 8 жалоб в 1939 году.

В сложившуюся ситуацию внесла большие изменения Великая Отечественная война. Многочисленные людские жертвы, понесенные нашим народом в годы Великой Отечественной войны, горе и страдания заставили людей вновь

обратиться к вере. Поступали многочисленные заявления и просьбы об открытии культовых зданий.¹

Однако после Великой Отечественной войны перемирие между Церковью и государством было недолгим. Религиозность считалась, по словам Г.Г. Карпова, чуждой идеологией, только лишь терпимой в советском обществе². В областях СССР появились Облисполкомы, при них, начиная с 1960-х годов, комиссии по контролю за соблюдением выполнения законодательства о культах.

Как свидетельствуют документы архива Совета по делам религий, полновластными правителями в епархиях были председатели Облисполкомов, уполномоченные, с их подачи многие архиереи проводили в жизнь те или иные указания советской власти. Достигнув накала в 1960-1970-е годы, с середины 1980-х годов напряженные отношения между гражданской и церковной властью стали сглаживаться. В итоге выяснилась несостоятельность любой антирелигиозной работы.

В таких условиях жили архипастыри Вологодской епархии, богатой когда-то храмами и монастырями, при изменении территориально-административного устройства в 1937 году получившей 4 известных уезда бывшей Новгородской епархии вместе с прославленным Кирилло-Белозерским монастырем, Нило-Сорской пустыней, Николо-Моденской обителью, в которой жил в конце 1920-х годов митрополит Иосиф (Петровых).

Духовная жизнь Северной Фиваиды, с 1938 года оставшейся без епископского управления, едва теплилась на первом этаже кладбищенского храма Рождества Богородицы в Вологде, единственной действующей церкви в епархии. На 1 июля 1944 года в ней служили 2 пожилых священника – Анатолий Городецкий (настоятель) и Иоанн Мальцев, вернувшийся из обновленчества³. Именно отцу Иоанну было суждено 8 января 1945 года возглавить епархию.

Деятельность епископа Иустина, как и деятельность его преемника, епископа Гавриила (Огородникова), о котором речь пойдет ниже, была направлена на открытие храмов, подготовку кадров и хиротонии духовенства, также на патриотическую деятельность: сборы пожертвований в пользу раненых бойцов Красной Армии, детей-сирот, подпись и

покупка облигаций займа для восстановления разрушенного войной хозяйства страны.

«После окончания поместного собора для избрания патриарха епископ отправил свое послание (указание) о проведении ряда мероприятий, причем главнейшими из них являются церковно-патриотические выступления настоятелей церквей в духе соборных обращений и напряжения сил для разгрома врага, усиление сборов и помощь детям бойцов и в Фонд обороны.

Увеличилось количество посещений в Облсполком по вопросам открытия церквей, о порядке открытия и о помощи действующим церквям предметами религиозного культа. По окончании поместного собора было несколько посещений местного епископом по вопросам: о возбуждении ходатайств верующих с визой епископа, о содействии в приобретении епископского облачения и предметов оборудования иконостаса во втором этаже Богородско-Кладбищенской церкви»⁴.

Открытие церквей в Вологодской епархии шло медленно. На 1 апреля 1947 года действующими числились 13 церквей⁵, на 1 января 1948 года – 15⁶, на 1 апреля 1949 года – 19⁷. Для внушительной территории епархии это было совсем незначительное число. Хотя в 1944-48 годы областные власти и уполномоченный с пониманием относились к нуждам верующих и Церкви, тем не менее далеко не всегда епископу Иустину удавалось убедить советские органы.

«На приеме у Уполномоченного Управляющий епархией епископ Иустин поднял вопрос об организации при епархиальном управлении богословских пастырских курсов, причем он показывал указание на этот счет Синода.

Не имея на этот счет никаких указаний от Совета (есть указание о пастырских богословских школах), Уполномоченный ознакомился с документами и задал со своей стороны вопрос о том, имеется ли программа курсов, есть ли руководители курсов, соответствующая литература. Епископ затруднился ответить на эти вопросы, заявив, что он постарается организовать это дело.

Уполномоченный считает, что нет пока необходимости организовать подобные курсы для одной Вологодской области, просил бы разъяснения по этому поводу Совета.

Второй претензией со стороны епископа является предложение об открытии одного монастыря из числа имеющихся на территории Вологодской области для организации из этого действующего монастыря нечто вроде соборного учреждения для престарелого духовенства и епископов. Небольшое количество наличного духовенства, безусловно, не дает достаточного контингента для этого монастыря, а потому считаю постановку подобного опроса преждевременным и необоснованным. Подобные соображения уполномоченным не высказаны епископу»⁸.

Епископ Иустин, вероятно, пытался таким образом открыть монастырь, постепенно привлекая в него более молодое духовенство, способное служить. Речь шла о Троице-Гледенском монастыре, стоящем на месте слияния рек Сухона и Большой Юг, недалеко от Великого Устюга. На момент обращения епископа к уполномоченному самому молодому священнику было 42 года, а пожилому – 74. Кадров

Архиепископ
Иустин Мальцев

для хиротонии взять было неоткуда. Прежнее вологодское духовенство оказалось почти целиком «выкошено»; священники возвращались после ссылки (игумен Симеон (Чернов), протоиерей Клавдий Тюрнин, Николай Попов, Александр Беляев, Геннадий Юрьев); возобновляли деятельность, переходя с гражданской работы (священник Иоанн Казаков, работавший на должности бухгалтера предприятия «Маслопром» г. Вологды). Епископ Гавриил чуть позже был вынужден рукополагать священнослужителей в пожилом возрасте. Так, в 1947 году состоялась диаконская хиротония о. Александра Фуникова (58 лет), в 1950 году – иерейская хиротония о. Николая Смелкова (56 лет) и о. Николая Антонова (64 года).

Уполномоченный И.М. Игнатов так характеризовал духовенство Вологодской епархии в начале 1946 года: «Будучи благочинным по Вологодской области (до хиротонии во епископа) Мальцев Иван Николаевич, ныне епископ Иустин, стремился опять стать преподавателем в духовных богословских школах, так как ранее он был преподавателем духовной семинарии. Из числа священников, показавших себя с положительной стороны по сбору средств на патриотические цели, по призыву населения, выполнению государственных и производственных обязательств, можно отметить двух-трех следующих настоятелей: настоятеля Богородско-Кладбищенской церкви (кафедральная церковь) епископа Иустина (Мальцева), Воскресенско-Носовской церкви Череповецкого района священника Орнатского Павла Петровича и Покровской церкви Кирилловского района Никитина Павла Ивановича»⁹.

На указанные выше цели вологодские верующие собрали 1 348 067 рублей в 1944 году; 985 571 рубль – в 1945 году и 557 720 рублей – за первое полугодие 1946 года¹⁰.

Настойчивость и решительность, волевые усилия требовались для открытия в епархии церквей. Иногда вопрос о возобновлении богослужения в том или ином храме выплывал в жесткое столкновение позиций уполномоченного и епископа.

Долго рассматривался вопрос об открытии второй церкви в Вологде, святого Лазаря Четверодневного, на Горбачевском кладбище. Богослужения совершались на первом этаже кафедральной церкви Рождества Богородицы у железнодорожного вокзала, освобождение второго этажа архивом НКВД и его переезд в другое место затягивались. Епископ Иустин, как видно из отчетов уполномоченного, вопросы об открытии церквей стремился решать осторожно, не всегда его позиция была последовательной. Подтверждением тому служит эпизод с открытием Лазаревской церкви:

«В отношении заявления об открытии второй церкви в городе Вологде по вторичному заявлению через Совет по делам русской православной церкви при СНК СССР уполномоченным Совета выяснено вместе с руководителем Богородско-Кладбищенской общины верующих и епархиальным епископом Иустином, что они считают достаточным для города Вологды наличие одной религиозной общины – Богородско-Кладбищенской, при условии, что будет открыт второй этаж действующей церкви и предоставлено общине верующих помещения Горбачевской церкви для отправления похоронных треб (под покойницу)»¹¹.

Такое функционирование церковью было характерно до 1964 года для Великого Устюга, где общине церкви святителя Стефана Великопермского в сентябре 1946 года из-за тесноты власти передали более просторный собор Прокопия Праведного, с условием использования Стефановской церкви в качестве часовни для отпевания умерших – попросту говоря, запретили в ней служить литургии и какие-либо требы, кроме погребальных.

В годы «хрущевской церковной реформы», когда идеологическая обстановка стала более жесткой, власти совершили обратный ход – отобрали и закрыли Прокопьевский собор, загнав верующих обратно в тесную кладбищенскую Стефановскую церковь.

В 1945 году областные власти предоставили верующим Лазаревский храм Вологды не как часовню, а как самостоятельный приход со всеми службами. На 1944-1946 годы приходится разгар движения об открытии храмов. Епископ Иустин постоянно носил списки в Облисполком. В резолюции Председателя Совета Г.Г. Карпова на отчет И.М. Игнатова за 4-й квартал 1946 года указывалось:

«В отчете сообщается о том, что епископ предлагает Вам планирование открытия церквей. На это Вы ответили епископу, что дело открытия церквей зависит от спроса верующих, а на плане епископа наложили резолюцию: «Не принимать во внимание».

В данном случае Совету непонятно: для кого наложена Ваша резолюция на плане епископа, а во-вторых, мнение епископа в вопросах открытия церквей нельзя не принимать во внимание»¹².

Просьбы епископа об открытии церквей И. М. Игнатов иногда называл незаконными претензиями¹³.

В 1948 году, в своем отчете он, отмечая активную позицию епископа Иустина в вопросе, касающемся открытия церквей, пишет следующее:

Деятельность епископа Иустина, как и деятельность его преемника, епископа Гавриила (Огородникова), была направлена на открытие храмов, подготовку кадров и хиротонии духовенства, также на патриотическую деятельность: сборы пожертвований в пользу раненых бойцов Красной Армии, детей-сирот, подпись и покупка облигаций займа для восстановления разрушенного войной хозяйства страны.

«В выводах необходимо отметить, что в истекшем 1948 году особенно широкую и настойчивую пропаганду за открытие церкви¹⁴ проводило само духовенство во главе с епископом Иустином. Опираясь на слой старых «бывших людей» деревни – кулаков, торговцев, бывших церковников-активистов, на проторовавшихся и испившихся людей в колхозах, потерявших доверие среди населения, эти духовные «отцы» поднимают крик перед Уполномоченным Совета, перед Советом по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР о том, что «многочисленные» заявления об открытии церквей не удовлетворяются, что на обширной территории Вологодской области слишком мало церквей»¹⁵.

И все же, несмотря на довольно жесткий тон, присутствующий в записках уполномоченного, мы можем отметить, что между уполномоченным и владыкой Иустином, в целом, складывались деловые отношения, не раз оба проявляли доверие друг к другу. Иногда епископ Иустин просил помощи у Игнатова: например, секретаря-машинистку уполномоченного просил сделать одновременно работником епархиального управления на той же должности; предлагал уполномоченному не регистрировать в качестве настоятеля Воскресенского собора г. Череповца священника Иоанна Казакова – то есть, открыто привлекал уполномоченного к делам по управлению епархией.

В августе 1949 года в Вологодскую епархию прибывает епископ Гавриил (Огородников).

Диакон Кирилл Киселев

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф 2522. Оп.32. Д.43. Л.106.

2. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.1436. Л.л. 162 – 163.

3. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.13. Л.150.

4. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.12. Л.л.150 – 151.

5. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.175. Л.18.

6. Там же. Л.81.

7. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.479. Л.л.23 – 25.

8. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.89. Л.23. Сохранена орфография источника.

9. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.86. Л.234.

10. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.89. Л.л. 24 – 25.

11. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.12. Л.148.

12. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.97. Л.44.

13. Там же. Л. 55.

14. Церковь святых Иоакима и Анны Череповецкого района. – авт

15. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.320. Л.24.

Церковная жизнь на Вологодчине после войны

Продолжение. Начало в «Благовестнике» № 7-9, 2008

Епископ Гавриил (Огородников) – 1949-1959 гг.

«Благословляю вас на подвиг жизни», – такими словами можно озаглавить рассказ об одном из замечательнейших архипастырей из когда-либо стоявших у кормила Вологодской Церкви. Эти слова любил повторять в своих проповедях и в различных житейских ситуациях сам владыка, считая, что «жизнь христианина под игом советской власти, среди гонений и постоянных притеснений сама по себе является настоящим подвигом»¹.

Этими словами озаглавлена и замечательная книга о владыке Гаврииле, вышедшая в 2004 году, написанная настоятелем храма во имя Архангела Михаила г. Сергиев Посад протоиереем Вячеславом Тулуповым на основании воспоминаний об этом, без сомнения, подвижнике благочестия XX века тех лиц, кто близко общался с ним, или встречался когда-либо, запомнив встречу – или же встречи – на долгие годы.

Епископ Гавриил (в миру Дмитрий Иванович Огородников) родился 26 октября 1890 года в г. Солигаличе Костромской губернии. «По окончании в 1908 году коммерческого училища поступил в военное училище. Первую мировую войну прошел офицером, был ранен. После Первой мировой войны он выехал работать в Харбин, в Маньчжурию, на Китайско-Восточную железную дорогу. Но его влекло к церковному служению. Оставив работу на КВЖД, он поступает послушником в Русскую Духовную Миссию в Пекине, где и получает богословское образование. В 1931 году принял монашество с именем Гавриил. Постриг совершил епископ Шанхайский Симеон (Виноградов), бывший тогда начальником Миссии. Затем для монаха Гавриила начался нелегкий путь инока-миссионера.

В 1948 году в сане архимандрита о. Гавриил был командирован от Русской Духовной Миссии в Китае в Москву делегатом на торжества по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. После торжеств 29 августа в Троице-Сергиевой Лавре архимандрит Гавриил был хиротонисан во епископа Хабаровского и Владивостокского. Хиротонию совершили: Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий, архиепископ Дмитровский Виталий и епископ Можайский Макарий. В июле 1949 года назначен епископом Вологодским и Череповецким»².

Вологодская епархия к моменту прибытия на кафедру владыки Гавриила переживала тяжелое время. Все новые и новые храмы как в городах, так и в селах закрывались, переоборудовались «для просветительских нужд» (кинотеатры, клубы), «под хозяйственные нужды» (гаражи, амбары, сараи и пр.), и попросту разрушались. По материалам секретной переписки уполномоченного по делам Русской Пра-

вославной Церкви при Совете Министров СССР, по Вологодской области в одном только 1949 году в области было переоборудовано под клубы в городах, под колхозные клубы и под новые МТС по 2 храма соответственно, сдано в аренду «под хозяйственные нужды» 5 храмов, а «слом аварийных церковных зданий» затронул еще 5 храмов. Конечно же, уполномоченный уверяет, что вся эта «большая работа, проведенная райгорисполкомами, не вызвала ни одного заявления-жалобы со стороны верующих»³.

Однако насколько данная информация отображает реальное отношение простого народа к Православной Церкви, можно судить по материалам того же самого дела, изложенным в нем чуть выше (дело составлено в период с марта 1951 по январь 1952 года, однако говорит и о времени прибытия епископа Гавриила на Вологодскую кафедру): «За 1944-1950 годы поступило 501 заявление об открытии 169 церквей. По заключениям Облсполкома Советом дано разрешение на открытие 11 церквей, удовлетворено 6,9% к числу просящих... Деятельность церкви в Вологодской области не снижается...

Сведения, полученные от работников районных и сельских организаций, говорят о том, что посещаемость верующими церковных служб не даёт снижения, а имеется некоторый рост. Так, например, в 1946 году в воскресные дни посещаемость городских церквей в среднем была от 100 до 200 человек, а в 1950 году посещаемость достигала до 400 человек, а в большие церковные праздники (рождество, крещение, пасха и др.) увеличивалась от 500 до 3.000 человек. В церквях сельской местности посещаемость верующими церковных служб выражалась соответственно от 50-100 человек до 75-150 человек. В церковные праздники это количество увеличивалось от 500 до 1.000 человек. За последние два года посещаемость церквей находится на одном уровне с небольшими колебаниями в ту или другую сторону. Это положение объясняется тем, что в области, по сравнению с соседними областями (Ярославской и Кировской) имеется незначительное количество церквей (17), а проявление интереса со стороны верующего населения не менее и не более, чем в соседних областях...

В области традиция празднования церковных праздников держится ещё крепко. В сельской местности от 50% до 70% домов имеют иконы, так или иначе отмечают церковные праздники и в районах, где нет действующих церквей»⁴.

Уполномоченный с сожалением отмечает, что «деятельность 17 функционирующих церквей... не дает признаков заметного спада».

Но, так или иначе, а в Вологодской епархии насчитывавшей до революции 1340 храмов, к 1938 году действующими оставались лишь 59, а к 1949 году, ко времени прибытия в епархию владыки Гавриила, их было уже лишь 17.

Период времени, в который Вологодской кафедрой управлял епископ Иустин (1945-1949 гг.), все же можно было

еще назвать периодом некой нормализации отношений между епархиальной властью и уполномоченным (по крайней мере, до 1947 года). «В этот период церковная жизнь в Вологодской области заметно активизировалась. – отмечает современный исследователь О.А. Наумова – Свидетельством этому служат массовые обращения граждан в советские органы с просьбой об открытии новых церквей. В 1944 г. таких обращений было 93, в 1945 г. – 92, в 1946 г. – 49, в 1947 г. – 59, в 1948 г. – 37, в 1949 г. – 20. В течение 1944-47 гг. часть этих обращений, хотя и незначительная, была удовлетворена. С 1948 г. не было удовлетворено ни одного ходатайства»⁵.

Поэтому владыка Гавриил, прибыв в Вологодскую епархию, видит совсем иную ситуацию. С 1948 года в Вологодской области изменяется направление работы уполномоченного по делам религий, что показывает цитируемая статья О. А. Наумовой.

«Из органа, регулирующего отношения Церкви и государства, он превращается в орган надзора, что находит отражение в годовых планах работы уполномоченного. Так, например, планы работы уполномоченного по делам религии и церкви при Совете Министров СССР по Вологодской области на 1948-1951 гг. предусматривали разработку сведений о составе духовенства и церковного актива, изучение состояния религиозного движения на территории области, сбор фактов о стремлении духовенства увеличить свое влияние на население.

Еще больший контроль за деятельностью церкви устанавливается со стороны местных органов с 1956 г. В планы работы уполномоченного Совета по делам религии и церкви включаются вопросы изучения содержания проповедей, оценки деятельности духовенства, церковных приходов. Как и в конце 1920-х годов, обращается внимание на длительность церковных служб, их влияние на верующих.

Самым тщательным образом анализируются финансовые отчеты церквей. В докладах и информациях уполномоченного по делам религии и церкви за 1955-1957 гг. в адрес председателя Вологодского облисполкома выражается обеспокоенность резким ростом доходов церквей Вологодской епархии, отмечается возрастание числа крещений, венчаний, отпеваний, указывается, что «открытые церкви с каждым годом богатеют, положение епархии укрепляется, имеют место факты оказания материальной помощи нуждающимся гражданам за счет средств церкви». В связи с этим партийные и советские органы предприняли меры по усилению культурно-массовой и просветительской работы среди населения. Ужесточается контроль и применяются различные меры административного и иного воздействия в отношении членов партии и комсомольцев, посещавших церковь, а также участвовавших в обрядах крещения, венчания и отпевания»⁶.

Поэтому, приняв бразды управления Вологодской епархией в такое время, епископ Гавриил тем самым неминуемо должен был вступить в долгое, тяжелое и изматывающее противостояние с уполномоченным – противостояние ради интересов Вологодской епархии, в котором нельзя было, с одной стороны, уступить противнику, а с другой стороны, делать резкие шаги и выпады, так как это сразу могло привести к смещению владыки с кафедры. И епископ Гавриил смело и решительно выступает на подвиг защиты православной веры в пределах Вологодчины.

По воспоминаниям митрофорного протоиерея Василия Чугунова, почившего в Боге совсем недавно, летом 2006 года, бывшего в течение многих лет настоятелем Рождество-Богородицкого кафедрального собора и благочинным храмов Вологодской епархии, за время своего служения «владыка Гавриил благоустроил Вологодскую епархию. Прежде всего он организовал епархиальное управление, секретарем которого стал Александр Константинович Токмаков, опытный юрист и убежденный православный христианин. К работе в епархиальном управлении он привлек князя Михаила Николаевича Чавчавадзе, который приехал с семьей из Казахстана. Активное участие в управлении Вологодской епархией принимал настоятель Воскресенской церкви города Череповца Михаил Алексеевич Смирнов, который после восстановления храма был переведен в Устюжну и назначен благочинным.

Важным мероприятием нового владыки был перевод всех священников епархии на постоянные оклады, что тогда было редкостью. Был наведен строгий порядок во всех храмах епархии. Такие мероприятия позволили Вологодской епархии сохранить действующими свои храмы в годы хрущевского натиска на Православную Церковь. Вологодская епархия не потеряла ни одного прихода»⁷.

Слова о. Василия перекикаются и с перепиской уполномоченного: «Епископ Гавриил, в первую очередь, занялся подбором окружающих его священников в кафедральной церкви: переведены были священники Юрьев, Кищенко, Малышев, и вместо них назначен прибывший из Китая священник Теплоухов. Вместе с епископом прибыл его секретарь Токмаков. Епархиальное управление, таким образом, было укомплектовано, размещено во вновь купленных домах вблизи кафедральной церкви. Затем, первое полугодие по прибытии (с октября 1949 года по май-месяц 1950 года) епископ Гавриил с епархиальным управлением занимался ознакомлением со всеми (семнадцатью) церквями в области.

В процессе ознакомления с действующими церквями и особенно после ознакомления была проведена епархиальным управлением значительная организационная работа в отношении новой расстановки своих сил (духовенства) и подбора их»⁸.

Разумеется, уполномоченный по делам религий ни в коей мере не имел своей целью похвалить деятельность епископа Гавриила, и серьезную организационную работу, проводимую владыкой, объяснял по-своему: «Настоятели и священники стали чувствовать себя под официальной «дланью» (рукой) «владыки» епископа Гавриила и епархиального управления, ревниво следящих за доходностью церквей и усилением своего влияния на верующих»⁹.

Ничего, кроме наживы и удовлетворения личных интересов путем одурманивания умов советских граждан, уполномоченный в действиях владыки не видел или не желал видеть. Но это и неудивительно – такова была позиция всего Советского государства в отношении «опиума для народа», религии.

«После проведенных перемещений и смен настоятелей епископ выезжал в церкви, где отмечались храмовые праздники или дни рождений (именины) настоятелей, пользующихся особым расположением епископа. Так, например, епископ в день так называемого воздвижения ездил в Крестовоздвиженскую церковь города Грязовца, в день успенья

богородицы – в город Белозерск, в Михайлов день – в Воскресенскую церковь города Череповца, где настоятель по имени Михаил (на именины).

При своих посещениях епископ Гавриил выступает иногда со своим «словом». Два таких «слова» приходилось слышать уполномоченному Совету. Первое «слово», которое мне удалось слышать, это было произнесено в кафедральной церкви (Богородская в городе Вологде) во время молебствия в день 70-летия И.В.Сталина.

Епископ перечислил заслуги Великого Вождя в деле строительства социалистического государства, в основу которого положен сознательный труд, направленный на общее благо: говорил о труде, возведённом на высоту нравственного подвига, чести, доблести и героизма, исключаящей эксплуатацию человека человеком. Затем говорилось о блестящем руководстве Вождя в организации побед над полчищами гитлеровцев в Отечественной войне, из которой наша страна вышла более мощной, и т.п. Отмечалась великая заслуга Иосифа Виссарионовича как первого могучего поборника за мир во всём мире и его самоотверженное служение народу.

Второе слово, произнесённое в праздник крещения, передаёт приблизительно (сокращённо) статью из «Журнала Московской патриархии» за январь месяц 1950 года¹⁰. «Облисполкому известно, что епископ Гавриил имеет большую связь с другими городами, оказывает материальную помощь в виде денежных переводов пожилым людям, детям, а также студентам, особенно девушкам. Принимает религиозных девушек у себя на квартире, оказывает некоторым из них содействие в бракосочетании (путем сватовства).

За время пребывания епископа Гавриила в г. Вологде сюда прибыло несколько репатриированных семей из Китая. Всем он оказывает материальную помощь – покупает дома, мебель.

Выезды в другие районы для выполнения религиозных обрядов делает 4-5 раз в год. Другими данными Облисполком не располагает»¹¹.

Та скудая характеристика, которую дает уполномоченный действиям владыки и ему самому, тем удивительнее, что даже в ней, несмотря на откровенную неприязнь и пренебрежительное отношение ее составителя к «служителю культа», мы можем увидеть владыку Гавриила как рачительного управителя, строго следящего за искоренением беспорядков во вверенной ему епархии, за организацией полноценной епархиальной деятельности – в той мере, в какой это только возможно было в ситуации тех лет – и как истинно доброго пастыря, примером своей жизни, своими добрыми делами несущего свет Евангелия. И это встречается в характеристике, данной противником Церкви!

Приведем еще несколько характеристик, тем большую честь делающих верному служителю Христову, что прозвучали они из уст непримиримого врага Церкви. С какой тщательностью уполномоченный перечисляет малозначащие факты деятельности владыки, второстепенные моменты в богослужении, преувеличивая их значение и истолковывая превратно, а подчас и в расхождении со здравым смыслом!

«Мною отмечалась также *продолжающаяся* обстановка, пышность архиерейских служб в сельских и городских церквях при посещении их епископом. Епископ Гавриил, как видно, старательно стремится к тому, чтобы внешний пыш-

ный ритуал архиерейского служения сохранился с большой точностью. Правда, бывшая неуклюжая архиерейская колымага, запряжённая четвёркой или шестёркой лошадей, епископом Гавриилом заменена изящной машиной «Победа», обслуживающий архиерейское подворье персонал – протодьякон, иподьякон, певчие со всяким оборудованием едут позади архиерейской машины тоже на своей церковной грузовой автомашине.

Подобная процессия подкатывает: «Победа» – к дому настоятеля-священника, грузовая машина – к дому церковного старосты, где прибывший персонал размещается в стро-гом с приготовленным заранее расписанием порядком, который иногда становится известным не только работникам сельсовета, но и председателям городских и районных исполкомов (по сообщениям верующих). В тех церквях, где есть колокола, обычно при подъезде автомашины «Победа» с архиереем начинается «встречный звон»¹².

«Епископ Гавриил большое внимание уделяет бытовому устройству духовенства и церковников. За время его пребывания приходской церковный совет купил для размещения причта один маленький дом (за 20 тысяч рублей), для секретаря епархиального управления и размещения причта – двухэтажный четырёхквартирный дом.

Предшественник епископа Гавриила епископ Иустин помещался в одной комнате, а вторая комната служила канцелярией и приёмной. В квартире обращает на себя внимание телефон и прекрасный радиоприёмник, которых раньше не имелось. Епископ Гавриил вывел канцелярию в здание церкви, и таким путём получилась у епископа приличная квартира с приёмной. Как видно, епископ Гавриил любит пожить более комфортабельно, чем его предшественник»¹³.

Наконец, после всех перечислений, уполномоченный делает поразительный вывод (но, впрочем, предсказуемый): «При приёме у себя епископ Гавриил обычно не затрагивает деловых, служебных вопросов, стремится играть роль открытого, добродушного хозяина, увлечённого будто бы всеми силами занять посетителя, сделать ему приятное.

Знакомясь ближе с епископом Гавриилом, приходится вновь подтвердить прежнюю характеристику, данную уполномоченным Советом: «епископ-дипломат», который, по меткому выражению народа, «мягко стелет, да жёстко спит»¹⁴.

И действительно, деятельность вологодских храмов значительно активизировалась за время управления Вологодской кафедрой владыкой Гавриилом. Вместе с секретарем епархиального управления А. К. Токмаковым владыка провёл большую работу по укреплению кадров. Он тщательно отбирал в клир епархии священников и диаконов, а также обслуживающий персонал, стремясь к тому, чтобы это были не только религиозные, но и образованные, умные и честные люди.

Так, например, «принятый на службу в клир Вологодской епархии священник Воронов в 1940 году окончил Ленинградский химико-технологический институт, учился в аспирантуре. Священник Оплеснин окончил 3 курса МГУ и духовную семинарию, священник Брынских имел незаконченное высшее образование, священник Яблонский, бывший учитель, заочно учился на 3 курсе духовной академии. Это были священнослужители, способные оказывать влияние и воздействовать на значительную часть населения области»¹⁵.

В эти годы Вологодская епархия, так же, как и вся Русская Православная Церковь, большое внимание уделяет вопросу подготовки новых кадров в среде священнослужителей. Духовное образование Вологодская епархия поддерживала материально. Так, в 1955 году она сделала отчисление из своих доходов в фонд учебных заведений Московской Патриархии на сумму в 230 тысяч рублей¹⁶.

Проводилась планомерная работа по подбору и направлению молодежи в духовные семинарии. Следует отметить, что нередко молодые люди отдавали предпочтение духовным учебным заведениям не в последнюю очередь потому, что условия для учебы здесь были намного лучше, чем в государственных учебных заведениях. В духовных семинариях учащиеся, кроме установленной стипендии, получали регулярную материальную поддержку от Вологодской епархии, а во время каникул нередко находились на полном ее содержании¹⁷.

В конце 1950-х годов наметился четкий курс советского руководства на ужесточение контроля церковной деятельности. Тон документов Вологодского облисполкома становится более строгим. Даже в условиях множества ограничений (в том числе на проповедническую деятельность, на благотворительность) епископ Гавриил не каждый раз ставил в известность государственные структуры о выезде из Вологды для посещения разбросанных приходов.

Владыка сумел сплотить духовенство и подготовить более молодых священников, для которых сам являл образ пастырской жизни. Эту поистине духовную семью характеризуют чиновники облисполкома: «Священники, приходя в тот или иной приход, под руководством правящих архиереев не сидели и не сидят сложа руки, а развернули активную деятельность по привлечению населения в церковь, используя в качестве своих агитаторов бывших монашек и монахов, церковных старост, певчих бывших хоров, всевозможных фанатиков и созданного церковного актива в виде церковных советов и ревизионных комиссий.

В первый период священники вели работу по поднятию активности с выше перечисленными лицами путем бесед об иисусе христе, о положении церкви в прошлом, о лучшем будущем и т. д.

Все эти люди, конечно, являются, активом церкви, каждый по-своему ведут работу по привлечению населения в церковь, поэтому можно сделать вывод о том, что в Вологодской области церковь не ослабляет своих позиций, а укрепляет, никакого упадка или затухания хотя бы отдельных приходов не наблюдается»¹⁸.

Несомненно, все это было возможным благодаря доброму пастырскому служению епископа Гавриила и его подопечных. Несмотря на запрет, оказывалась материальная помощь малоимущим прихожанам. В 1956 году, по данным епархиального управления, она составила 39 500 рублей, а в 1957 году сумма достигла 64 327 рублей¹⁹. Благотворительная деятельность за указанные годы проводилась во всех церквях, кроме Успенской церкви с. Чернецкого.

Епископ Гавриил предупреждал осложнение отношений между духовенством и любым представителем гражданской власти, заботился о сохранении порядочности и достойного поведения населения в дни больших церковных праздников. Об этом свидетельствуют его немногочисленные сохранившиеся распоряжения и указы. В письме № 189 от 9 марта 1957 года, разосланном по приходом, он сообщает распо-

ряжение епархиального управления о поведении духовенства: «Местные храмовые, престольные праздники, а также поминальные дни во многих местах сопровождаются разгулом со стороны прихожан и, что сказать, по традиции пьянственное проведение времени продолжается в иных местах в течение нескольких дней. Духовенство мало или вообще весьма слабо борется с этим явлением, ничего общего, разумеется, не имеющим с религией и с христианским пониманием празднования церковных праздников.

Допустимо ли, чтобы в дни, посвящаемые в честь Христа Спасителя, Божьей Матери, святых угодников Божиих, в дни поминовения наших усопших на кладбищах под видом духовного веселья молящиеся предавались делам, которые не только не служат прославлению Божьему, но и человека унижают и его спасению вредят делами плотоугодия, невоздержания, бесчиния. И кому, как не духовенству, надлежит бороться с этим традиционным русским злом, унижающим нашу веру, соблазняющим людей, искренне верующих, и подвергающим осмеянию и поруганию наши церковные обычаи»²⁰.

В распоряжении № 905 от 11 ноября 1954 года предписывалось: «Чтобы не осложнять отношений с районными и областной организациями, предлагаю Вам воздержаться от посещений соседних районов. В случае получения приглашений от верующих соседнего района (для напутствия, соборования и причащения умерших), прошу Вас сноситься со мной по телеграфу или по телефону (4-27) или с канцелирией (тел. 6-76 – два звонка) для ходатайствования от Уполномоченного.

Во время пасхальных праздников не устраивать иллюминаций, не пускать ракет, не зажигать плошек и факелов, а во время крестных ходов вокруг храма поддерживать порядок.

При хождении «со славой» посещать только те дома, в которых священнослужитель будет желанным гостем, и ни в коем случае не заходить к тем, у которых Ваш приход может вызвать недовольствие и даже жалобу на Вас местным властям. Само хождение, по возможности, обставлять так, чтобы оно не привлекало к себе внимание со стороны инакомыслящих.

Проводы умерших могут производиться только с разрешения городских властей. Хождение по домам «со славой» не должно иметь вида религиозной процессии (не допускать при сем толпы ребятишек за священником).

При крещении младенцев необходимо наличие одного из родителей и регистрация ЗАГСа о рождении, паспорт или удостоверение от сельсовета.

При браке необходимо требовать от бракосочетающихся регистрацию ЗАГСа о их браке.

При отпевании необходимо ознакомиться с заключением врача, дабы не отпеть самоубийцу, а также надо помнить, что бывают случаи, когда отпевают живых людей по совету знахарей и ворожеев»²¹.

Таким образом, мы можем, повторившись, с уверенностью отметить, что слова уполномоченного, проникнутые неприязнью к духовенству, по сути, напротив, как нельзя лучше подтверждают ту теплую, проникнутую искренней любовью память, которая осталась о владыке Гаврииле у его вологодской паствы.

По словам протоиерея Василия Чугунова, верующие старшего поколения запомнили именно такого владыку Гав-

риила, каким не хотел принять его представитель власти – «благообразного старца с широкой седой бородой и приветливой улыбкой. Жил владыка в домике около Богородицкой церкви. Он выходил из Богородицкого собора в окружении верующих, всех благословлял, некоторых приглашал на чай».

И далее отец Василий дает свою характеристику епископа Гавриила: «Владыка Гавриил был небольшого роста, очень жизнерадостный, весьма ревностный к служению и неустанной архипастырской деятельности. В те грозные антирелигиозные времена владыке Гавриилу была присуща неустранимость в делах служения и управления епархией. За это и уважал его святейший патриарх Алексей и, особенно, личный секретарь патриарха, всемогущий Даниил Андреевич Остапов»²².

По воспоминаниям верующих, в Вологде «владыка Гавриил совершал богослужения очень часто. Если не служил сам, то непременно присутствовал на всех богослужениях. После вечерней службы в соборе он всегда садился посреди храма на архиерейском месте. Все желающие подходили к нему и беседовали о своих насущных жизненных проблемах».

Во время пребывания владыки Гавриила в Вологде епархия переживала духовный подъем. Храмы наполнялись верующими, среди которых было много молодежи»²³.

Епископ Мстислав (Волонсевич) – 1959-1965 гг.

В 1959 году на Вологодскую кафедру вступил епископ Мстислав (Волонсевич).

Епископ Мстислав (в миру Дмитрий Иванович Волонсевич) родился 12 ноября (ст. ст.) 1906 года в г. Вильнюс (Вильнюс) в семье служащего.

Детские и юношеские годы его прошли на Вольни, в Польше. В 1926 году он окончил гимназию. В апреле 1934 года принял монашеский постриг с именем Мстислав в Успенской Почаевской Лавре и был рукоположен в иеродиакона. В апреле 1935 года был рукоположен в иеромонаха на приход в г. Галиче. В 1936 году отец Мстислав окончил богословский факультет Варшавского университета. В 1937 году получил степень магистра богословия. Осенью того же года был назначен настоятелем Георгиевского прихода в г. Львове. В 1938 году – наместник Яблочинского Онуфриевского монастыря. В сане архимандрита служил на приходе в с. Гировое на Лемковщине. В первые годы второй мировой войны находился при Варшавской митрополии и обслуживал приход в г. Жирардове. В 1944 году был вывезен в Германию на принудительные работы. После освобождения вступил в клир РПЦЗ.

25 ноября 1953 года архимандрит Мстислав по принятии покаяния был воссоединен с Русской Православной Церковью. В декабре 1953 года он был назначен настоятелем храма-памятника русской славы во имя святителя Московского Алексия в г. Лейпциге (ГДР). В 1955 году возвратился на родину. Состоял в братии Киево-Печерской Лавры.

4 марта 1956 года был хиротонисан во епископа Великолуцкого и Торопецкого. С 1957 года был епископом Свердловским и Ирбитским, с 1959 года – Омским и Тюменским,

с 27 июля того же года – Вологодским и Великоустюжским, с 1965 года – архиепископом Горьковским и Арамасским. В 1966 году архиепископ Мстислав по болезни вышел на покой. 21 марта 1967 года владыка Мстислав был назначен на Кировскую кафедру.

К сожалению, за время своего управления Вологодской епархией епископ Мстислав обострил и без того весьма негладкие отношения с уполномоченными И.М. Ивановым и С.В. Матасовым. Помимо этого, из епархии были уволены мужественные пастыри – о. Алексей Анхимов и о. Валентин Парамонов, давно трудившиеся на Вологодской земле. Этих священников любили епископы Иустин и Гавриил.

«В 1960-е годы при всех горисполкомах и райисполкомах, независимо от наличия в городах и районах действующих церквей, создаются специальные комиссии по соблюдению законодательства о культах, в задачу которых входит организация противодействия растущему влиянию церкви на население. Под контроль берется вся церковная жизнь: собираются данные о количестве проданных свечей, предметов церковного обихода и культа, сведения о зарплате священнослужителей, изменении их возрастного состава и образовательного уровня. Епархиальное управление обязывают направлять копии его приходо-расходных смет в адрес уполномоченного по делам религии и церкви при Совете Министров СССР по Вологодской области».

Судя по документам, период «хрущевской оттепели» не стал для церквей Вологодской епархии, как и в целом для Русской Православной Церкви, благоприятным, хотя вначале надежда на это у духовенства была, так как связывалась с начавшейся демократизацией общественной жизни. Однако этого не произошло. В 60-е годы нередким явлением были случаи административного произвола, выражавшегося в закрытии храмов вопреки воле трудящихся. Активность церковной жизни в те годы вновь затухает и вплоть до 1976 года доходы церквей Вологодской епархии неуклонно падают, в большинстве своем не покрывая расходы по содержанию церковных зданий»²⁴.

Сведения о деятельности и личности епископа Мстислава, содержащиеся в отчетах уполномоченных, весьма эмоциональны. И.М. Иванов пишет: «Внешне взаимоотношения у меня с епископом Мстиславом нормальные, отношения друг с другом вежливое, однако, мне известно, что он, соглашаясь со мной в кабинете, на деле производит другую линию. Это подтверждается такими фактами: о невозможности оставления настоятелем в Воскресенской церкви г. Череповец Парамонова Мстислав со мной согласился и, более того, сделал представление о переводе его в г. Грязовец, однако, потом обратился с письмом к патриарху, в котором просит оставить Парамонова в Череповце».

Аналогичную линию Мстислав провел в отношении священника Мудьюгина; мне дал согласие Мудьюгина оставить в Вологде, а сам стал его же подстрекать, чтобы писал просьбы в Совет о переводе в Устюжну, заявляя ему, что согласен его перевести, но возражает и. о. уполномоченного. Вместо того, чтобы самому, когда это нужно, решать тот или иной вопрос со мной, он посылает материал почтой или посылает своего завхоза Чечевадзе, а сам под видом болезни не является. Держит себя высокомерно, даже в беседе со мной по поводу зарплаты шофера (1200 рублей) он заявляет: «Наверное, шофер председателя Облсполкома получает не менее, а я ведь наравне с ним, нас три человека в

области: первый секретарь ОК КПСС, председатель Облсеполкома и я, епископ». В сентябре месяце в своей проповеди заявил: «Вы, вологодцы, сломленный народ; учтите, что без епископа не может быть и церкви». Даже священнослужителей, уроженцев Вологодской области, называет лапотниками, некультурными людьми. Сам он в церкви бывает редко (это, конечно, хорошо), по воскресеньям и праздникам, никуда не выезжает, все дни находится в квартире Чечевадзе, играет в шахматы, устраиваются обеды и завтраки, везде называет себя советским епископом, а что он представляет из себя конкретно – установить еще не удалось»²⁵.

Эмоциональным был и ответ из Совета по делам РПЦ, написанный заместителем председателя П. Чередняком: «Заявление епископа Волонсевича П.А., приведенное в Вашей записке, о том, что «нас три человека: первый секретарь обкома КПСС, председатель Облсеполкома и я, епископ», следует рассматривать как недопустимую выходку этого распоясавшегося епископа. Сообщите об это руководству Обкома КПСС и Облсеполкома и в дальнейшем обратите особое внимание на поведение и деятельность Волонсевича»²⁶.

Тем не менее, сохранились, конечно, и положительные отзывы о владыке Мстиславе. Наибольший интерес могут представить воспоминания о владыке, которыми делится Зураб Михайлович Чавчавадзе, потомок князей Чавчавадзе, отец которого и был тем самым завхозом Вологодского епархиального управления при епископе Мстиславе (выше в настоящей работе приводится выписка из отчета уполномоченного, где Михаил Чавчавадзе упоминается как «Чечевадзе»).

Вот как вспоминает епископа Мстислава Зураб Михайлович, имевший возможность видеть владыку практически ежедневно: «Владыку Мстислава я с самого начала помню. Он был из белорусов, подвизался в одном из монастырей на Западной Украине. Был в эмиграции, потом его отозвали – наступил «дефицит» епископов, очень многие сидели в лагерях. А те, кто были на свободе, подчас были не очень грамотны, т. к. поставлялись сразу по освобождении из тюрьмы.

Владыка Мстислав был человеком более светским. Мы подружились. Он приходил к нам обедать, ужинать. А жили мы в епархиальном управлении на ул. Ворошилова – нынешней Галкинской. Сейчас этого дома нет. Дом был большим, деревянным. На втором этаже находилось епархиальное управление, а на первом была квартира, в которой мы жили. И часто владыка, после утренних приемов и иных дел спускался к нам обедать и оставался побеседовать. Он назначил секретарем епархиального управления моего отца – во-первых, потому что это был единственный человек, не боявшийся уполномоченных.

Мой отец совершенно их не боялся, потому что уже прошел лагерь. И вообще, мой отец показался владыке самым близким человеком. Плюс, он был в хороших отношениях со Святейшим Патриархом Алексием (Симанским). Святейший был из аристократической семьи и ему нравилось поговорить с отцом по-французски.

Хотя окружение Патриарха часто шло на уступки власти (впоследствии Святейший Пимен вел себя смело, но когда он был Управляющим делами Московской Патриархии при Святейшем Алексии, он «компромиссничал»), сам Алексий I был смел. Ему лишь нужна была информация с мест.

В Вологде же отношения с уполномоченным в то время обстояли хуже, чем где бы то ни было. Случались прямо-

таки вопиющие нарушения закона со стороны власти. Например, однажды задымил трансформатор в Богородском соборе, началась паника, люди стали давить друг друга на крутой лестнице при выходе из храма. Было восемь погибших. Засудили настоятеля, потому что он был хорошим священником. И таких случаев было огромное количество.

А мой отец собирал информацию о подобных нарушениях закона, составлял отчет на 10-15 страниц машинописного текста и ехал затем в Москву, к Святейшему. Заходил в алтарь, благословлялся, ехал после Литургии со Святейшим обедать и говорил: «Ваше Святейшество, вот там так-то и то-то». Святейший забирал отчет, читал его, и через какое-то время отца вызывал в Москву владыка Пимен. Помню, папа рассказывал, как зашел он к владыке, а тот ему: «Вы что себе позволяете?!» – и бросил ему его же отчет, весь исписанный пометками Святейшего. А дело вот в чем: Святейший, прочитав отчет моего отца, звонил управляющему Совету по делам религий СССР, разговаривал с ним об указанных нарушениях закона, и тому ничего не оставалось, кроме как наказать уполномоченного в Вологде. И даже снимать. После чего он звонил владыке Пимену и распекал его: «Что это у вас там происходит? Кто вам пишет доносы? Вызовите его и накажите!». И владыка Пимен, действительно, вызывал моего отца и давал ему трепку. Ну, потом и владыке Мстиславу доставалось: «Что это у вас там за секретарь?». Но тот, если честно, не очень вникал во все это. Он все дела перекалывал на папу. Папа же, в свою очередь, подсказывал владыке, что нужно делать. И владыка слушал его безоговорочно. Таким образом, владыка работал в прекрасных условиях.

Кстати, любимой его фразой, ставшей впоследствии знаменитой, была: «Я – советский архиерей!». Что это значило, непонятно, но он требовал уважения к себе. Хотя был безобидным и тихим человеком. Мне запомнился только один скандал с ним, когда вышел указ, отдающий всю власть на приходах старостам, а священника делающий наемным работником. Моя мать, темпераментная дама, устроила тогда выволочку архиерею – да такую, что мне неудобно было смотреть. Она схватила его за бороду со словами: «Вы что делаете?! Как Вы такое подписали?» – не понимая, что владыка, собственно, не виноват. Все тогда это подписали. Владыка сказал: «Я считаю, что это правильно». На что моя мама пригрозила, что не будет его больше кормить. В общем, скандал был жуткий»²⁷.

В 1977 году архиепископ Мстислав отметил 10-летие служения на Кировской кафедре. В связи с этой датой Святейший Патриарх Пимен пожаловал владыке Мстиславу орден святого князя Владимира I степени. На Кировской кафедре архиепископ Мстислав пользовался авторитетом строгого, но справедливого и доброго наставника и отца. По характеру вспыльчивый, но отходчивый, владыка любил своих пасомых, и они относились к архипастырю с любовью.

В довершение приведем несколько воспоминаний духовенства и простых верующих вологжан о владыке Мстиславе: «Был худощавый, высокого роста, выглядел очень хорошо. Любил внешнюю красоту богослужения и сам служил красиво. Когда видел это у других, очень радовался и хвалил: «Вот так надо служить».

«Легко раздражался, но знал это за собой и боролся. Если чувствовал себя виноватым перед кем-то, старался прими-

риться, особенно перед причастием».

«Был очень пунктуальным, можно было по нему время проверять. В соборе появлялся минута в минуту. Если придет раньше – квартал объедет, но на службе появится точно».

«Был общительным, любил посидеть в компании, даже порой напоминал в шутку: пора бы меня в гости пригласить...»

«Очень любил музыку, сам играл на фортепиано, имел коллекцию пластинок с записями православной музыки – редкость по тому времени». ²⁸

1 Тулулов Вячеслав, прот. Благословляю вас на подвиг жизни – М.: Русский хронограф, 2004. С.11.

2 Киреев Александр, протодиакон. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943-2002 годах. – М., 2002. С.232 – 233.

3 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.761. Л.87

4 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.761. Л.87 Подчеркивание сделано в тексте. Сохранена орфография источника.

5 Наумова О.А. История Русской Православной Церкви в документах светских организаций новейшего времени (1918 – 1990 г.г.) // Региональные аспекты исторического пути православия: Архивы, источники, методология исследований. Выпуск 7. – Вологда, 2001. С.81 – 82.

6 Там же С.82.

7 Чугунов Василий, прот. Он любил Вологду // Красный Север. 2000. 7 марта. С.8.

8 ГАРФ Ф.6991. Оп.1 Д.761 Л.89.

9 Там же.

10 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.761. Л.89.

11 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.1422. Л.л.110 – 111.

12 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.890 Л.14 – авт.

13 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.761. Л.25.

14 Там же.

15 Цветков С.Н. Русская Православная Церковь на Вологодчине в середине XX века (По материалам ВОАНПИ) // Региональные аспекты исторического пути православия. Выпуск 7 – Вологда, 2001. С.511.

16 ВОАНПИ Ф.2522. Оп.32 Д.43. Л.108

17 Там же

18 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.1831. Л.л.33, 35.

19 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.1734 Л.50.

20 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.1734. Л.51.

21 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.1734. Л.л.51 – 52.

22 Чугунов Василий, прот. Он любил Вологду // Красный Север. 2000. 7 марта.

23 Тулулов Вячеслав, прот. Благословляю вас на подвиг жизни. – М.: Русский хронограф, 2004. С.49 – 50.

24 Наумова О.А. История Русской Православной Церкви в документах светских организаций новейшего времени (1918 – 1990 г.г.) // Региональные аспекты исторического пути православия: Архивы, источники, методология исследований. Выпуск 7. – Вологда, 2001. С.82

25 ГАРФ Ф.6991. Оп.1 Д.1830. Л.л. 4 – 5.

26 ГАРФ Ф.6991. Оп.1. Д.1830. Л.6.

27 Чавчавадзе З. М. Воспоминания о Вологодской епархии. Машинопись. Архив автора. С.1 – 2.

28 Вологодские архиереи. К 2000-летию Рождества Христова // Благовестник. 1999. № 10-12 (54-56). С.6 – 7.

Церковная жизнь на Вологодчине после войны

Начало в № 7-9, 10-12 за 2008 год

Епископ Мелхиседек (Лебедев)
1967-1972 гг.

Родился будущий архиерей 26 января 1927 года в деревне Ново-Черкасово Шатурского района Московской области. В крещении был назван Василием. «В 1946 году Василий Михайлович поступил в Московскую Духовную семинарию, которую окончил в 1950 году по первому разряду и в июле того же года был рукоположен во священника с назначением настоятелем Преображенской церкви с. Бесово Московской епархии, а в декабре переведен в Пятницкую церковь с. Туголес. В феврале 1955 года о. Василий был назначен настоятелем Воскресенской церкви с. Молоди; в январе 1961 года переведен на должность благочинного церковей Орехово-Зуевского округа Московской епархии и вскоре назначен настоятелем Богородицерождественской церкви г. Орехово-Зуево.

В 1962 году о. Василий поступил в Московскую Духовную академию, одновременно неся послушание приходского священника в г. Ярославле. В 1963 году о. Василий вступил в число братии Троице-Сергиевой Лавры и, приняв монашество с именем Мелхиседека, был направлен на послушание в Троицкое Патриаршее подворье, что в Переделкине.

По окончании третьего курса Московской Духовной академии о. Мелхиседек был призван к епископскому служению. Постановлением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Священного Синода от 15 июня 1965 года иеромонаху Троице-Сергиевой Лавры Мелхиседеку (Лебедеву) определено быть епископом Вологодским и Великоустюжским с тем, чтобы наречение и хиротония его были совершены в Троице-Сергиевой Лавре.

Вечером 15 июня митрополит Ленинградский и Ладужский Никодим (Ротов; †1978) возвел иеромонаха Мелхиседека в сан архимандрита, а 16 июня в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры совершено было наречение архимандрита Мелхиседека во епископа Вологодского и Великоустюжского. Чин наречения совершали митрополит Ленинградский и Ладужский Никодим, архиепископ Тульский и Белевский Алексей (Коноплев), епископ Дмитровский Филарет (Денисенко) и епископ Волоколамский Питирим.

17 июня 1965 года в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры за Божественной Литургией была совершена хиротония архимандрита Мелхиседека во епископа Вологодского и Великоустюжского. Хиротонию совершили Преосвященные архиереи, участвовавшие в наречении.¹

На Вологодской кафедре владыка Мелхиседек, в первую очередь, приложил большие усилия к привлечению в храмы новых прихожан, к укреплению веры в тех, кто ослабевал под натиском советской власти, к благолепному украшению храмов и совершаемых богослужений.

Сам уполномоченный С. В. Матасов приводит характеристику епископа Мелхиседека как энергичного и деятельного архипастыря, в отличие от предшественника, епископа Мстислава: «Рост денежных доходов не является свидетелем роста числа верующих в области. Мировоззрение людей, их верование возникают и отмирают в результате длительного процесса воздействия на человеческое сознание.

На мой взгляд, рост денежных доходов церковью за последние два года произошел за счет некоторого роста активности в их деятельности. Управляющий епархией епископ Мелхиседек обладал большой энергией и умением воздействовать на духовенство и верующих в деле повышения их активности. Сам много лично проводил служб во всех церквях области, которые посещались большим числом верующих»².

В другом месте уполномоченный пишет следующее: «Епископ Мелхиседек, возглавляющий епархию с августа 1965 года, к службе относится ревностно, имеет хорошую подготовку (кандидат богословия), молодой и энергичный, с желанием составить себе большую карьеру. За полтора года объехал по несколько раз все приходы, организовав свои богослужения торжественно, со чтением хорошо подготовленных проповедей, привлекая на них большое количество верующих. Добивается и от духовенства приходов проведения всех богослужений с хорошей подготовкой, с волнующим всех верующих подъемом. Священников с низкой подготовкой при большом возрасте отправляет за штат (на пенсию), а вместо них направляет на приходы молодых, с хорошей богословской подготовкой»³.

«Управляющий Вологодской епархией епископ Мелхиседек, подготовленный в Московских семинарии и академии в условиях сергиевской лавры, умеет организовать деятельность церкви с расчетом большого психологического воздействия на верующих и не скрывает своих намерений проводить эту линию впредь, укрепляя состав духовенства путем замены одряхлевших безграмотных священников на молодых и подготовленных, предъявляя к последним высокую требовательность»⁴.

Перед нами предстает совсем иной тон в записках уполномоченного. При сохраняющейся видимой отчужденности и, возможно даже, неприязни, по сути мы видим совершенно положительную оценку трудов Управляющего епархией! Представить подобное ранее было совершенно невозможно. Даже при архипастырстве владыки Гавриила, одного из сильнейших и энергичных устроителей и собирателей поруганной, разоренной Вологодской епархии, самым мягким эпитетом уполномоченного в адрес архиерея, как уже указывалось, был: «Мягко стелет, да жестко спясть!»

Сохранились воспоминания о владыке уже упомянутого в настоящей работе ныне покойного протоиерея Василия Чугунова. Вот что рассказывает о. Василий о пребывании владыки Мелхиседека на Вологодской кафедре: «Прибыв на Вологодскую кафедру, епископ Мелхиседек энергично взялся за ведение епархиальных дел, часто служил в кафедральном соборе, настоятелем которого был протоиерей

Петр Терентьевич Устьянчук. Служил епископ Мелхиседек вдохновенно, голос имел красивый и сильный. Всегда говорил содержательные проповеди.

На Пасху 1966 года владыка Мелхиседек ездил в Иерусалим в составе делегации Московского Патриархата, по возвращении он организовал особенно торжественное служение. Храм наполнился множеством приехавших с владыкой молодых людей. Это было редкостью: вологодская молодежь посещала храм редко в силу известных причин⁵.

Далее о. Василий отмечает, что по отношению к клиру владыка был добр и любил делать подарки.

«За два года он объездил все приходы Вологодской епархии. Особенно обращал он внимание на посещение бедных приходов, таких, как Покровская церковь в Усть-Печенге, Успенская в с. Чернецком и им подобных. Очень любил ездить в г. Великий Устюг и Череповец. Часто собирал у себя дома духовенство.

Своим авторитетом епископ Мелхиседек значительно укрепил положение кафедрального собора, о котором постоянно ходили слухи, что его если не закроют, то переведут в другой храм города, например, в Андреевскую церковь. А это было бы равносильно закрытию. В то время уничтожалось Богородицкое кладбище, вскрывались могилы. Хотели сделать на месте кладбища парк ветеранов. Но ветераны написали Н. С. Хрущеву: «Мы сами скоро умрем и не хотим, чтобы с нашими телами поступили, как с костями наших предков». Идею оставили. Тогда было много влиятельных людей в Вологде, желавших закрытия кафедрального собора, но деятельный епископ Мелхиседек помешал осуществлению таких планов.

Со слезами скорби многочисленные верующие и весь клир кафедрального собора провожали 4 ноября 1967 года владыку Мелхиседека, назначенного епископом Венским и Австрийским⁶.

«Где бы ни служил владыка Мелхиседек, он всегда вспоминал с любовью свое краткое служение в Вологде, которое, по его словам, было поистине счастливым... В 1988 году, когда вся полнота Русской Православной Церкви торжественно отмечала 1000-летие Крещения Руси и во всех епархиях проходили торжества, гостем Вологодской епархии был архиепископ Мелхиседек. Радостные встречи и общение с духовенством и верующими, участие владыки в чине канонизации блаженного Николая, совместные богослужения с архиепископом Михаилом – все оставило в душе каждого верующего неизгладимый след.

В памяти моей запечатлелся образ владыки Мелхиседека как образцового служителя, прекрасного проповедника, доброго архипастыря⁷.

Епископ Дамаскин (Бодрый) 1974-1979 гг.

Вспоминает настоятель храма святого Апостола Андрея Первозванного г. Вологды, прот. Георгий Иванов:

«Епископ Дамаскин (Алексей Иванович Бодрый) родился 20 апреля 1937 года в дер. Белины Невельского района Великолукской (ныне Псковской) области в простой крестьянской многодетной семье. Как себя помнил Владыка, в их дом всегда вхожи были божии люди. Родители с детства приобщали детей к Церкви. Юному Алексею, вместе с братьями и сестрой, выпала горь-

кая участь – пережить тяжелое военное время в самом опасном месте – фактически на передней линии фронта. Несколько раз его мать Наталья немцы пугали расстрелом, но Господь хранил своих рабов, и семеро детей из восьми остались живы (старший сын погиб на фронте). Когда Алексей подрос, местный батюшка взял его пономарить, а потом отправил в Ленинградскую семинарию.

В семинарии и академии в 60-е годы – время хрущевских гонений – училось совсем мало студентов, и власти собирались закрыть семинарию. Будущий Владыка вынужден был год пустынножить в горах Кавказа, где и познакомился с Глинскими старцами. Потом, уже по возвращении в семинарию, его заметил владыка Никодим, и под руководством этого мудрого архипастыря Алексей восходил от силы в силу и в 1972 г. был посвящен во епископа Тамбовского и Мичуринского.

За два года служения на Тамбовской земле Владыка привел епархиальные дела в порядок и Святейшим Патриархом Пименом был назначен в Вологду, где из 17 храмов пять были без священников. В труднейшее для Церкви время – диктата уполномоченных и КГБ – Владыка умел добиться пользы для Церкви благодаря своей непоколебимой вере в помощь Божию и простому русскому характеру.

Теперь, наверное, уже можно рассказать, как Владыка обратился к вере православной областного уполномоченного и некоторых других высокопоставленных в то время лиц. И теперь они и их дети, крестники Владыки, приходят в храм и молятся.

Все люди, которые помнят Владыку или кому приходилось с ним общаться, до сих пор вспоминают его как доброго, доступного и милостивого архипастыря. С ним было везде легко и интересно, будь то на службе или за праздничной трапезой. Выезжая на приходы, служил иерейским чином, совершал даже приходские требы.

За пять лет его служения на Вологодской кафедре была восстановлена служба во всех храмах епархии и много сделано для процветания епархии. В то время возможности Церкви были существенно ограничены, но именно в такое время были нужны такие архиереи, как владыка Дамаскин.

Впоследствии Владыка занимал Полтавскую и Мукачевскую кафедры, где ничуть не изменился в своей доброте и ревностном служении Господу и Его Святой Церкви. Подвигнические труды, постоянные тревоги и переживания подорвали и без того некрепкое здоровье Владыки, и на 53-м году жизни перед иконой Божией Матери епископ Дамаскин предал свою душу в руки Божии⁸.

Конечно, у властей владыка вызывал большое недовольство – как вызывал недовольство всякий вологодский архиерей, трудившийся на ниве Христовой со всей христианской ревностью, уподобляясь Самому Пастыреначальнику Христу. В частности, вызывала недовольство властей его кадровая политика, пополнение штата священнослужителей молодыми ставленниками: «За три года епископ Дамаскин, стремясь обеспечить церковные общины и несколько обмолодить состав служителей культа, сумел приблизить к себе вначале в качестве иподьяконов, а затем рукоположить в сан священников 5 человек в возрасте до 30 лет, не имеющих духовного образования, и одного – в сан диакона, которые в настоящее время старательно служат на приходах. За это же время рукоположены в сан священников два

человека пожилого возраста (один – с 1927 г. и один – с 1906 года рождения) также без церковного образования, и одного выпускника Ленинградской духовной академии. Таким образом, в настоящее время все церкви епархии в достаточном количестве обеспечены кадрами священнослужителей. Были случаи, когда епископ Дамаскин после службы открыто обращался к верующим направлять к нему иподьяконами отслуживших в армии сыновей.

Четырех человек силами общественности удалось оторвать от влияния епископа. Однако, сравнительно высокие и легкие заработки в церкви привлекают определенную часть молодежи из семей верующих родителей для службы в церкви⁹.

С 1976 года, согласно отчетам Вологодского епархиального управления, доходы церковью медленно начинают расти¹⁰. С началом перестройки, повлекшей за собой демократизацию всех сторон общественной жизни, они возрастают значительно в связи с увеличением совершаемых вологжанами обрядов.

В 1960-1970-е годы контролировалась финансовая деятельность отдельных приходов и епархиального управления как самостоятельной организации. Для уменьшения отчислений приходов епархиальному управлению снижалась стоимость треб, записок, свечей. Епископу Дамаскину в 1978 году удалось добиться увеличения отчислений по сравнению с 1977 годом на 11 тысяч рублей¹¹. Еще ранее, в 1975 году, С. В. Матасов знакомил Совет с подобными явлениями: «Рост отчислений религиозных объединений в пользу епархиального управления на 23 тысячи рублей, в сравнении с 1974 годом, обусловлен вымогательством Дамаскина: «я вам увеличиваю поставку свечей, а вы мне увеличивайте отчисление денежных средств...» «Не увеличите отчисления – свечей не получите», – говорил он исполнительным органам. Он рассчитывал на большую сумму, но наше вмешательство помешало ему.

Мы разъяснили исполнительным органам незаконность в действиях епископа, а его строго предупредили¹².

В целом сами документы яростных противников Церкви говорят нам о том, что епископ Дамаскин «укреплял религию», возглавляя в этом деятельность всего вологодского духовенства. Владыка был активным и деятельным архиереем, много служил, часто выезжал в районы, восполнял недостающие кадры духовенства.¹³

При нем произошла смена уполномоченного Совета по Вологодской области. Этому сопутствовал интересный случай, о котором рассказывает протоиерей Георгий Иванов.

По словам о. Георгия, епископ Дамаскин приехал к С.В. Матасову решить несколько вопросов. После разговора владыка достал дорожные часы, чтобы подарить уполномоченному, который, увидев их, нажал на специальную кнопку под столом. В кабинет вошёл милиционер, которому Матасов, гневаясь, объяснил, что имел место случай взятки, приказал вывести архиерея. За дверями кабинета милиционер, покрутив пальцем у виска, сказал, что Матасов – больной человек. Об инциденте узнали в Москве и назначили нового уполномоченного.¹⁴ Антирелигиозный запал у сторонников жёсткой линии и части членов комиссий содействия в горисполкомах начал спадать.

Назначенный на место Матасова новый уполномоченный В. П. Николаев, хотя вначале и продолжал контролировать церковную деятельность, однако, был человеком, более дружелюбно настроенным к Церкви. Но вот что всего более удивительно: познакомившись с владыкой Дамаскиным, Николаев настолько сблизился с ним, что стал его духовным чадом, исповедался и причащался у него! Кроме того, В. П. Николаев ходатайствовал перед Советом о награждении владыки Дамаскина медалью советского Фонда мира: «С приходом его в Вологодскую епархию в 1974 году отчисления денежных средств религиозных обществ в Фонд мира ежегодно увеличиваются. За пять последних лет они составили 1 миллион 791 тысяч рублей, что равно 26,3% денежных поступлений церковью за эти годы. Непосредственно епархиальное управление ежегодно в Фонд мира перечисляет 18-20 тысяч рублей.

Епископ Дамаскин в проповедях на миротворческие темы призывает верующих к участию в пополнении советского Фонда мира, содействует этому патриотическому движению и в повседневной своей работе».¹⁵

Разумеется, награда не состоялась. Более того, в Москве довольно быстро узнали о доверительных и дружественных отношениях владыки и уполномоченного, что повлекло за собой перемещение епископа Дамаскина на Полтавскую кафедру 4 октября 1979 года.

Как рассказывает протоиерей Георгий Иванов, общавшийся с владыкой Дамаскиным уже после перевода его на новую кафедру, уполномоченный Николаев очень переживал разлуку с человеком, ставшим ему близким другом, часто звонил владыке перед принятием какого-либо важного решения.¹⁶

В памяти тех, кому довелось общаться с епископом Дамаскиным, он остался добрым архипастырем, радеющим как о благе вверенной ему Вологодской епархии перед лицом советского государства, так и о спасении души каждого из тех вологжан, кто продолжал в столь трудное время посещать храмы, продолжал хранить верность Христовой Церкви.

Окончание следует

Примечания

- 1 Киреев Александр, протод. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943 – 2002 годах. М., 2002. С.286 – 287.
- 2 ГАРФ. Ф.6991. Оп.6. Д.98. Л.70.
- 3 ГАРФ. Ф.6991. Оп.6. Д.9. Л.30.
- 4 Там же. Л.31. Сохранена орфография источника.
- 5 Вологодские архиереи. К 2000-летию Рождества Христова // Елагвестник. 2000. № 6-8 (62-64).
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 ГАРФ. Ф.6991. Оп.6. Д.1294. Л.л.84-85. Сохранена орфография источника.
- 10 ВООАПИ. Ф.2522. Оп.6. Д.45. Л.55.
- 11 ГАРФ. Ф.6991. Оп.6. Д.1500. Л.48.
- 12 ГАРФ. Ф.6991. Оп.6. Д.882. Л.50.
- 13 ГАРФ. Ф.6991. Оп.6. Д.768. Л.47.
- 14 Записи воспоминаний прот. Георгия Иванова. Архив автора.
- 15 ГАРФ. Ф.6991. Оп.6. Д.1838. Л.3.

Церковная жизнь на Вологодчине после войны

Окончание. Начало в «Благовестнике» № 7-9, 2008

Архиепископ Михаил (Мудьюгин)
1979-1993 гг.

В 1959 году из Совета по делам РПЦ в Вологодский облисполком пришел запрос о биографии и деятельности недавно рукоположенного священника Михаила Мудьюгина. Центральные власти заинтересовало не только его высшее образование и ученая степень:

«Мудьюгин М.Н., 1912 года рождения, по образованию кандидат технических наук, до августа 1958 года проживал в Ленинграде и работал в Ленинградском горном институте доцентом. В сентябре 1958 года прибыл в г. Вологду и епископом Гавриилом посвящен в священники и оставлен служить в кафедральной церкви. В беседе со мной при регистрации Мудьюгин заявил, что он в г. Вологду приехал только для того, чтобы посвятиться в священники, так как в Ленинграде у него имеется незаконная жена, у которой от него имеется дочь. Будучи в 1959 году, в период отпуска в Ленинграде, он через свою мать ходатайствовал перед Ленинградским епархиальным управлением о том, чтобы его приняли священником в одну из церквей Ленинграда.

Начав служить в Вологде, Мудьюгин начал сильно развивать свою церковную деятельность. Стал частным образом преподавать закон божий детям завхоза епархии Чечевадзе и врача Шульц. Среди религиозных граждан стали разговаривать о том, что в г. Вологде епископ Гавриил попал под влияние уполномоченного и не ведет борьбы за открытие новых церквей. При этом приводил примеры, что в западных областях насчитывается сотни действующих церквей, а в Вологодской области только 17. После снятия с регистрации священника Феодосия-Дмитриева (за привлечение молодежи в церковь путем оказания ей помощи) Мудьюгин не только стал на его защиту перед уполномоченным, но даже начал всячески оправдывать его перед верующими, естественно, органы КГБ стали просить меня не давать согласия на перевод Мудьюгина в Устюжну. В свое время в беседе с Мудьюгиным мною ему высказаны все его неправильные действия, из чего он, вероятно, и делает вывод, что его не отпускают из Вологды потому, что якобы за его церковную деятельность в Устюжне труднее следить, чем в Вологде.»¹.

Владыка Михаил родился в благочестивой семье служащего. «Уже в раннем отрочестве, возрастая при храме, он пел и читал на клиросе, прислуживал в алтаре и до последних дней сохранил яркие впечатления, под воздействием которых формировалась его верующая душа. Воцерковление будущего архипастыря началось уже в раннем детстве, когда его мать Вера Николаевна посещала вместе с ним Александро-Невскую лавру, продолжилось при храме Святителя и Чудотворца Николая на Песках (Барградское подворье

в Петербурге), а затем в Свято-Андреевском Старо-Афонском подворье в Петербурге.

В 1929 году будущий епископ Русской Православной Церкви окончил среднюю школу и поступил на завод «Красный путиловец» в качестве разнорабочего. Это дало право продолжать образование, и в 1933 году Михаил Мудьюгин окончил вечернее отделение Института иностранных языков. Но работая на заводе, он, как человек неординарных способностей, заинтересовался теплотехникой и стал сначала лабо-

1. ГАРФ, Ф. 6991. Оп.1. Д.1734. Л.л.176 – 177.

рантом, потом техником, конструктором и инженером. К 1946 году он заочно окончил энергетический факультет Института металлопромышленности, а с 1953 по 1957 годы, получив звание доцента, преподавал теплотехнику в Ленинградском горном институте.

Эти успехи были достигнуты только благодаря необычайно кропотливому труду и, главное, с помощью Божией. Господь оберегал и хранил его в то нелегкое время. В 1930-е годы, не получив прописки в Ленинграде, Михаил Николаевич Мудьюгин вынужден был уехать на Урал, потом самовольно вернулся и был выслан в административном порядке за «сотый километр», как тогда говорили. В те годы он поселился со своей женой в Новгороде и работал теплотехником на Чудовском заводе «Красный фарфорист». Только с началом войны ему удалось выхлопотать себе разрешение проживать в Ленинграде.

Все эти трудные годы мирской жизни для глубоко верующего человека сопровождалась тяжелыми размышлениями о судьбах родной для него Русской Православной Церкви. Еще будучи юношей, он был арестован за участие в религиозном кружке. К счастью, в тюрьме он просидел только один месяц. Но тяжелые размышления о, казалось бы, абсолютной гибели Церкви в России в эти мрачные годы безбожия заставляли иногда даже сомневаться в истинности слов Спасителя: «...созижду церковь Мою, и врата адавы не одолеют её» (Мф. 16, 1). И как он сам вспоминал, лишь мысль о том, что Церковь Христова существует не только в России, могла успокоить его и укрепить веру в непоколебимость евангельских истин.

Служить Церкви Христовой в священном сане Владыка Михаил мечтал с детских лет, но только в 1955 году он получил благословение стать священником от митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова). Под руководством протоиерея Михаила Гундяева, известного и уважаемого в то время петербургского священника, он стал проходить заочно семинарский курс, готовясь к рукоположению. Но вскоре митрополит Григорий скончался, а новый митрополит, Елевферий (Воронцов), не мог осмелиться рукоположить доцента Горного института, автора многих научных трудов, в священник сан. Тогда средства массовой информации тиражировали отречения от веры, а отречения от мирской науки в пользу веры были, мягко говоря, не в моде. Хотя Владыка Михаил от настоящей науки никогда не отрекался, видя в ней опору для своей веры.

Однако Богу было угодно, чтобы состоялось знакомство Михаила Мудьюгина с митрополитом Николаем (Ярушевичем), который рекомендовал его епископу Вологодскому Гавриилу (Огородникову). В 1958 году будущий епископ принял священнический сан и был определен на служение сначала в кафедральный собор в Вологде, где впоследствии закончилась его святительская деятельность, а затем, через полтора года, в связи с тяжелой болезнью своей жены, получил назначение в Казанскую церковь в городе Устюжна².

Так говорит нам официальный некролог о покойном ар-

хиерее Вологодской земли. Но обратимся вновь к живым, теплым воспоминаниям тех людей, кто любил и любят Вологодскую землю, вологодские святые, вологодских пастырей и архипастырей. Вспоминает уже упомянутый выше З. М. Чавчавадзе: «Но вот, в один прекрасный день (это был 59-й год, по-моему) приезжает какой-то человек, стучится к нам в дверь. Мы открываем – стоит типичный ученый, такой, как в фильмах снимают: борода клинышком, соломенная шляпа, галстук. Интеллигент, одним словом. И представляется он Михаилом Николаевичем Мудьюгиным. Затем говорит: «Я к вам с письмом» – и рассказывает свою историю. Он – физик, доцент Ленинградского горного института, занимается тепловой физикой, теоретик, имеет несколько публикаций в «Правде», что было в то время очень престижно, закончил также консерваторию и институт иностранных языков – играет на фортепиано и свободно говорит по-немецки. Он сказал, что с юных лет имеет потребность нести Слово Божие. И вот сейчас, получив образование, почувствовал, что созрел для служения Церкви. От духовника получил благословение на рукоположение и сейчас ездит от архиерея к архиерею. Мы посчитали: он объехал епархий больше, чем моя сестра, которую тоже нигде не брали. Но одно дело, когда в Церковь идет девчонка³. Тут можно сказать все, что угодно: что она молодая, неопытная и пр. Но когда идет академик – это уже никак не вписывается в планы государственной власти показать последнего попа.

И кто-то посоветовал ему обратиться в Вологодскую епархию, к моему отцу, не боявшемуся, как я уже говорил, уполномоченных.

Нужно сказать, что он нас сразу очаровал. Не знаю, чем: то ли тем, что его звали Михаилом Николаевичем, как и моего отца, то ли чем-то еще. В итоге, мой отец улумал уполномоченного, и тот дал добро. Ну и соответственно, владыка сразу сказал: «Давай, рукополагайся». И нужно сказать, довольно быстро его рукоположили. Он привез свою супругу, Дагмару Александровну, протестантку по вероисповеданию, очень милую женщину – и попросился на самый отдаленный, захудалый приход. Таким образом, он и его жена совершили настоящий подвиг – учитывая, что жена у него была больна какой-то тяжелой болезнью дыхательных путей. И владыка его направляет в Устюжну, к радости того батюшки, который служил там. А отец Михаил с радостью начал жить там, хотя и очень бедствовал. Супруга же у него прожила еще недолго, года два – и скончалась.

Владыка часто вызывал отца Михаила к себе для какой-то интеллектуальной работы – не могу сейчас вспомнить, какой. Но после этого отец Михаил спускался к нам и беседовал с нами. Однажды он предложил мне свои услуги по преподаванию Закона Божия. Я сказал: «Спасибо» – и он стал преподавать мне и моему младшему брату. Мне стало жалко моих одноклассников, которые не знали Закона Божия, мой брат тоже позвал кого-то, и в итоге нас, учеников, набралась целая комната. И тут кто-то «стукнул». Что началось! Уполномоченный сказал: «Что это такое?! Вы преподаете Закон Божий?!» и т.д. и т.п. Моему отцу пришлось оправдываться: «Он не знал, мы тоже не знали, что он преподает – знали бы, объяснили бы...» и пр. Началось давление на владыку, на моего отца, и о. Михаил понял, что его выдвигают.

2. ЖМП. №7. 2000. С. 57 – 58.

3. Сестра З. М. Чавчавадзе – ныне монахиня Магдалина. Несет послушание в Покровском монастыре в местечке Бюсси во Франции. Работала секретарем епископа Гавриила в Вологодском епархиальном управлении. – авт.

4. Чавчавадзе З. М. Воспоминания о Вологодской епархии. Архив автора. С. 2 – 3.

А надо сказать, что и надо мной в школе издевались. Я отвечал на «отлично» – мне ставили «двойку». Директриса вызывала меня к себе и говорила, что если я не вступлю в комсомол, то не получу золотой медали. Моим друзьям говорили, что если они будут дружить со мной, то тоже ничего не получают. Все это вместе привело к тому, что мой папа вынужден был оставить Вологду и в 62-м году переехать в Тбилиси. Я же уехал раньше, в 61-м, году, проработав в Москве по окончании 9-го и 10-го классов⁴.

В 1963 году отец Михаил пережил потерю своей верной супруги и спутницы, которая многие годы была ему другом и помощником. Отец Михаил пережил смерть своей жены, как и подобает настоящему христианину, с верой и надеждой на милость Божию. В довершение к этому, как вспоминает З. М. Чавчавадзе, у о. Михаила была отнята справка о регистрации – так уполномоченный боролся с неугодным проповедником. О. Михаил уехал в Ленинград, не зная, чем питаться, т. к. ни на одну работу его без справки не брали, он оказался в «черном списке».

Но в Ленинграде ситуация изменилась. «В 1964 году он заочно окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию и защитил курсовую работу, за которую был удостоен ученой степени кандидата богословия. В том же году он был оставлен при Академии преподавателем латинского языка, истории и разбора западных исповеданий. В начале 1966 года протоиерею Михаилу Мудьюгину было присвоено звание доцента, и кроме того, он был назначен деканом вновь организованного при Академии Африканского факультета христианской молодежи.

Указом Святейшего Патриарха Алексия I от 13 октября 1966 года доцент протоиерей Михаил Мудьюгин был назначен на должность ректора Санкт-Петербургских духовных школ. 31 октября того же года он принял иноческий постриг с сохранением прежнего имени Михаил, а за Божественной литургией в день празднования Казанской иконы Божией Матери, 4 ноября, в Князь-Владимирском соборе Петербурга митрополит Ленинградский и Ладожский Никодим (Ротов) возвел его в сан архимандрита. Хиротония архимандрита Михаила во епископа была совершена 6 ноября, в воскресенье, за Божественной литургией в Троицком соборе Александрово-Невской лавры, куда когда-то еще ребенком он был впервые приведен своей благочестивой матерью⁵.

Однако вскоре, уже 30 июля 1968 года, решением Святейшего Патриарха и Священного Синода Преосвященный Михаил был ввиду церковной необходимости снят с ректорства и направлен на кафедру – он стал епископом Астраханским и Енотаевским. Однако он продолжал преподавать в Санкт-Петербургских Духовных академии и семинарии, приезжая читать лекции из Астрахани, напечатал ряд статей в «Журнале Московской Патриархии» и других существовавших тогда религиозных печатных изданиях (очень немногих), составил учебное пособие для учащихся Духовных школ: «Методическое руководство к совершению исповеди».

13 июня 1972 года епископу Михаилу после защиты магистерской диссертации на тему «Учение о личном спасении по Священному Писанию и Преданию Православной Церкви» была присвоена ученая степень магистра богословия.

«С мая 1972 года владыка Михаил был членом Комиссии

Священного Синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений, позднее Синодальной Богословской комиссии.

В то же время владыка Михаил с благословения Священноначалия Русской Православной Церкви активнейшим образом включился практически во все экуменические инициативы Церкви. Владая несколькими языками (особенно его отличало блестящее знание немецкого языка и латыни, изучением которой он занимался самостоятельно с одиннадцатилетнего возраста), владыка Михаил легко вел любую богословскую дискуссию.

На протяжении многих лет владыка Михаил вносил исключительный по ценности вклад в официальные двусторонние богословские собеседования Русской Православной Церкви с Евангелическими Церквями в Германии (ФРГ), Союзом Евангелических Церквей в ГДР, с Евангелическо-Лютеранской Церковью Финляндии и с Церквями реформатского исповедания.

С ним можно было вести разговор на темы не только богословского характера. Он прекрасно знал европейскую культуру, и не только религиозную. Глубоко ценил живопись, музыку. Во время межрелигиозных перерывов в Духовной академии можно было часто слышать классическую музыку, которую владыка Михаил самозабвенно исполнял на фортепиано, стоявшем в профессорской. Но самым, может быть, запоминавшимся в его образе было то, что, к сожалению, почти утрачено нашими современниками, – его умение говорить на правильном русском языке, ясно и красиво. В последние годы своей жизни он почти ничего уже не видел и не мог самостоятельно читать и писать, но, обладая прекрасной памятью, которую всегда тренировал изучением языков, продолжал оставаться прекрасным лектором, в классическом смысле этого слова проповедником и собеседником⁶.

2 сентября 1977 года распоряжением Святейшего Патриарха Пимена и постановлением Священного Синода владыка Михаил был возведен в сан архиепископа, а с 27 декабря 1979 года стал архиепископом Вологодским и Великоустюжским. Его кафедральным храмом стал тот самый храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в котором он стал священником и впервые самостоятельно отслужил Божественную литургию.

Обратимся вновь к воспоминаниям З. М. Чавчавадзе.

«Наконец, владыку Михаила направили в Вологду. Радости моей не было предела! В 78-м или 79-м году, не помню, он пригласил меня на Пасху к себе. Мы приехали на Светлой седмице. И после Литургии владыка устроил праздничный обед, который мне запомнился по замечательному составу приглашенных. Все были умницы, люди интеллектуального склада, и сам обед был хорош, плюс, он превратился еще и в некий интеллектуальный пир, возглавил который, как столп, владыка Михаил. Он тогда жаловался мне, что ему не на кого опереться в Вологде, хотя для него епархия была родная, и ему очень хотелось многое изменить.

Но мне запомнилось еще вот что. Идет праздничный обед, настроение у всех замечательное – Светлая седмица и прекрасный пир. Поднимаются тосты. И вот, слова просит о. Георгий Эдельштейн. Владыка: «О. Георгий, говорите». И тот, взяв слово, устроил архиерею разнос. Он начал говорить о том, что в епархии ничего не делается, что священники тво-

рят что-то ужасное, что владыка никуда не смотрит. А владыка слушает его очень внимательно, не перебивая. Поднялись голоса, призывающие о. Георгия сесть. Владыка: «Дайте человеку договорить». И тот заканчивает свою гневную обличительную речь. Возникает ужасно неловкое положение. Ну, представьте: мы все гости, и при нас тут кто-то начинает полоскать грязное белье! Всем было очень неприятно.

Когда он закончил, владыка спросил: «У Вас всё, о. Георгий?». Тот говорит: «Да». Тогда владыка совершенно спокойно, без всякого гнева, сказал: «Я прошу прощения у всех присутствующих за это выступление. Я понимаю, что идет Пасхальная седмица, и у всех радостное настроение, но тем не менее, если эта речь продиктована заботой о благе Церкви, то мы должны её принять. Правда, я боюсь, о. Георгий, что у Вас другие мотивы. Почему? В Ваших обвинениях я отметил 4 пункта, из которых 3 – это явная ложь, потому что... – Владыка привел аргументы. – А вот в 4-м пункте (я уже не помню, там была какая-то мелочь) Вы правы, однако, как член нашего клира, Вы должны помнить решение последнего Епархиального собрания, на котором этот вопрос обсуждался. И я могу сказать, что в 2-х храмах этого уже нет. Так что Вы частично правы лишь в одном пункте из 4-х высказанных Вами. А вот то, что Вы сделали сегодня, когда я принимаю гостей, приехавших разделить с нами пасхальную радость, говорит о том, что в ближайшее время мы увидим Ваше сегодняшнее выступление в «желтой» прессе, или еще в чем-нибудь подобном. Вы, конечно, понимаете, что любой другой архиерей в данной ситуации, скорее всего, попросил бы Вас покинуть этот обед. Но я уверяю всех, что я открыт для критики, поэтому Вы, если хотите, можете остаться». Тот сбегал.

Думаю, что он был из когорты тех батюшек, которые зарабатывали себе популярность такими скандалами. Вспоминается сразу любопытный случай с бывшим священником Глебом Якуниным. В одной передаче был приглашен митрополит Кирилл Смоленский и Калининградский. И во время передачи в студии появился уже извергнутый из сана бывший священник – в священническом одеянии, с крестом. Владыка остановил его словами: «Глеб Палыч! Как-то странно Вы одеты сегодня!»

Владыка Михаил благословлял читать Евангелие и Апостол на двух языках: на славянском, и сразу на русском. Однако когда я спросил его, а не нужно ли, для понятности, перевести всю Литургию, он сказал: «А вот этого делать ни в коем случае не стоит».

Вообще же, владыка Михаил и владыка Никодим принадлежали к тому крылу Русской Православной Церкви, которое было повернуто к Западу. И в этом отношении на них было очень много наветов. Однако они никогда не были прозападно настроенными. То, что они брали что-то с Запада, напротив, более и более убеждало их в истинности Православия.

Когда владыка Кирилл вручал мне орден, которым наградил меня Святейший Патриарх Алексей II, во время последовавшего за тем чаепития архимандрит Тихон (Шевкунов) сказал, что нужно возвращать истинное имя этим людям. Он предложил провести круглый стол, за которым могли бы высказаться противники митр. Никодима и архи-

епископа Михаила, а с другой стороны были бы высказаны аргументы в их пользу.

Владыка Михаил говорил, что русский народ – это народ-богоносец, но и народ-отступник, и за грех отступничества мы пережили революцию и тяжелый, страшный XX век. А некоторые вменяют это владыке в вину, говоря, что он католик, что он не русский. Неправда. Он был глубоко русским и глубоко православным человеком. Просто его вера была не только в сердце, но еще и пропущена была через ум.

Убежден, что владыка Михаил – очень положительное явление в Русской Православной Церкви⁷.

Вспоминая епископское служение владыки Михаила на разных кафедрах, можно отметить, что при нем в эти сложные годы не был закрыт ни один храм.

«С 1981 по 1988 годы архиепископ Михаил был членом Синодальной комиссии по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси. В 1987 году ему исполнилось 75 лет. По Уставу Русской Православной Церкви в этом возрасте епископ должен подать прошение об уходе на покой. Многие этого не делают, но Владыка, как человек, абсолютно подчинивший себя правилам Православной Церкви, исполнил всё в соответствии с буквой закона, причем дважды. На заседании Священного Синода 22 февраля 1993 года было наконец вынесено окончательное решение: выразить Пресвященному архиепископу Вологодскому и Великоустюжскому Михаилу глубокую благодарность за понесенные им архипастырские труды, которые он нёс, несмотря на возраст и болезни; освободить его от управления Вологодской епархией с увольнением на покой; просить Владыку продолжать свою научно-богословскую и педагогическую деятельность в Санкт-Петербургских Духовных академии и семинарии.

Все последние годы его жизни также были насыщены напряженными трудами. Несмотря на проблемы со зрением, он написал и издал две книги: «Основное богословие» и «Русская православная церковность второй половины XX века».⁸

Одним из важнейших деяний владыки Михаила на Вологодской кафедре можно с уверенностью назвать открытие закрытого в 20-е годы Вологодского Духовного Училища. Открытое по благословию владыки, училище существует и успешно выполняет свои функции по сей день, выпуская из своих стен кандидатов к рукоположению для несения священнослужения на территории Вологодской епархии.

Также был открыт в качестве действующего древний Спасо-Прилуцкий Димитриев мужской монастырь в г. Вологде.

Архиепископ Михаил поистине был выдающимся служителем Русской Церкви. Покой в его понимании не подразумевал бездеятельности. Напротив, более деятельного человека в его возрасте было трудно найти. Как уже говорилось, несмотря на практически полную слепоту, он постоянно писал, читал лекции, выступал по радио, встречался с людьми. Помимо Санкт-Петербургской Духовной академии архиепископ преподавал также в лютеранской семинарии, в гимназиях, институтах.

Он был уникальным человеком с блестящим европейским образованием. Учитывая его огромный экуменический опыт, католическая семинария Санкт-Петербурга пригласила архиепископа читать лекции, которые пользовались большим успехом среди студентов и преподавателей.

По поручению патриарха Пимена он ежегодно прини-

7. Чавчавадзе З. М. Воспоминания о Вологодской епархии. Архив автора. С.4 – 5.

8. ЖМП № 7. 2000. С.60.

мал участие в межконфессиональных христианских конференциях. Например, 6-12 февраля 1988 года владыка был в Мюнхене, где состоялась встреча с Епископской конференцией Римо-католической церкви, и он выступил с докладом «Таинство введения в Церковь и Святая Евхаристия». 12-16 мая того же года участвовал в симпозиуме в Зальцбурге, посвященном 1000-летию Крещения Руси, прочитав на немецком языке доклад «Православный взгляд на христианизацию России». Архиепископ Михаил выделялся активной и широкой богословской и преподавательской деятельностью среди вологодских архипастырей.

По воспоминаниям знавших его, своей открытостью, широтой взглядов, отсутствием чиновничества и доступностью архиепископ Михаил выгодно отличался от своих собратьев по архиерейству. Он был человеком радостным и светлым. Говорил вдохновенно, проповедовал умно, изящно. С ним можно было вести разговор на темы не только богословского характера. Он прекрасно знал европейскую культуру и не только религиозную. Глубоко ценил живопись, музыку.

«Его служение продолжалось до последнего вздоха».⁹

Заключение

1. Самое главное, что мы можем сказать об архипастырской и пастырской деятельности вологодских архиереев в период второй половины XX века – их деятельность соответствовала евангельским принципам, не прекращалась и не ослабевала, была энергичной и целеустремленной.

Многие предпринятые решения сейчас могут подвергаться сомнению и горячим обсуждениям, однако главное неизменно: вологодские архиереи в крайне трудные для Русской Православной Церкви годы явили собой образ верных служителей Христовых и добрых пастырей для клира и мирян Вологодской епархии. Об этом говорят воспоминания тех людей, которые помнят архиереев, руководивших вологодской паствой в период с 1945 по 1991 годы, общались с этими архиереями, трудились под их руководством на ниве Христовой.

Особенности характера, таланты и личные качества каждого из владык, конечно, были разными. Среди них мы можем видеть настойчивого, решительного строителя и организатора, такого как епископ Иустин (Мальцев); глубоко молитвенника, доброго к пастве и крайне тактичного с представителями власти, но также твердого, в случае необходимости, управителя, в лице владыки Гавриила (Огородникова); и, конечно, чрезвычайно образованного архиепископа Михаила (Мудьюгина).

И каждый из них отдал свои силы вверенной ему пастве, ежедневно в неустанных трудах полагая за нее свою душу, по заповеди Спасителя (Ин. 15:13).

2. Материалы отчетов уполномоченных по делам религий не только не очерняют личности этих владык, но напротив, подтверждают ту чистоту, ту жертвенность, то забвение себя ради блага Христовой Церкви, с которыми каждый из архипастырей нес свое многотрудное служение на вологодской кафедре. На протяжении всей работы автор стремился показать личности архиереев, так сказать, и с той, и с другой стороны, не скрывая ни положительных, ни – если таковые выявятся – отрицательных сторон личности каж-

дого из владык, в период их управления Вологодской епархией. И ни в одном из отчетов, рассмотренных в работе, мы не найдем ничего, что могло бы оставить темное пятно на светлом облике владык. Вся скрупулезность, все многочисленные придирки к ничему не стоящим мелочам в деятельности вологодских архипастырей лучше всего подчеркивают несостоятельность самих этих придинок и невозможность для уполномоченного «уцепиться» за что-то действительно весомое. Нигде мы не найдем ни малейшего подтверждения громким обвинениям и предвзятому скептицизму со стороны уполномоченного.

3. Учитывая тот факт, что довольно часто в настоящее время события русской истории представляются в ложном, неверном свете, и нередко истинный смысл происшедшего в нашем государстве искажается, а то, что достойно глубокого почтения, подвергается недоверию и даже насмешкам, государственные архивы (ГАРФ; ВОАНИ) дают прекрасную возможность для любого исследователя внести свой скромный вклад в дело правдивого освещения реалий советского времени – в том числе, и в сфере взаимоотношений Церкви и государства. В ходе исследовательской работы с архивными материалами становятся понятны различные, кажущиеся порой странными или неоправданными решения или действия иерархов Русской Православной Церкви, в действительности продиктованные нежной заботой архипастырей о сохранении православной веры, о вверенной их попечению пастве, о церковном корабле, постоянно подвергавшемся попыткам расхищения и уничтожения атеистической властью.

4. Опыт архипастырства в крайне трудные для Русской Православной Церкви советские годы, когда православное духовенство делило со своей паствой горести Великой Отечественной войны и послевоенных лет, когда на Церковь неоднократно воздвигались жесточайшие гонения (начиная с 30-х годов и включая «хрущевскую оттепель»), может подать мощный стимул для христиан нынешнего времени в безропотном несении своего креста, в благодарении Богу за ту спокойную жизнь, которую можем сейчас вести мы, и которой были лишены люди того времени.

Взирая на мужество, которым обладали эти архиереи, как, впрочем, и многие простые верующие того времени, становится понятным, что, возможно, почти уже потушенные в те годы искры православной веры донесли до нас именно они. Благодаря их терпению и решительности, твердости и горячей вере, покорности воле Божией и надежде на Его помощь во всех, даже самых тяжелых, испытаниях, православная вера сохранилась в русском народе, а храмы, что когда-то закрывались и были разрушаемы с ожесточением и упорством, сейчас вновь открыты. Во многом благодаря подвигу этих людей, врата адавы не одолели Церкви Христовой (см.: Мф.16: 18).

Русская Православная Церковь пережила в XX веке чрезвычайно тяжелый период гонений. И архипастыри, управлявшие в те годы Вологодской епархией, сумели безропотно перенести все тяготы этих гонений, все давление со стороны советской власти, смогли сохранить православную веру на древней Вологодской земле и пронести в своей жизни, в своей деятельности, в самом своем облике образ Доброго Пастыря – Христа.

Всею своей жизнью они исполнили слова Спасителя: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16).

9. ЖМП № 7. 2000. С.60.